

В свободное от работы время Чжан Сяо часто проводил в архиве вместе с Юань Юэ. Юань Юэ восстановил уже пять или шесть статуй Будды и сейчас полностью сосредоточился на попытке воссоздать статую Будды Медицины. Статуя Будды Медицины в Пещерах Тысячи Будд была слишком огромной, поэтому он создал уменьшенную копию, высотой с человека. Чтобы точно передать все детали образа Будды Медицины, Юань Юэ даже возобновил изучение 3D-моделирования, которым занимался ранее.

Чжан Сяо считал, что Юань Юэ невероятен, и мог смотреть на него только с благоговейным трепетом:

— Настоящий мастер.

Во время работы по восстановлению шиншилла Юань Юэ иногда появлялась и спокойно сидела у него на голове, медленно покачиваясь в такт его движениям.

Чжан Сяо тоже несколько раз выпускал своего листового мунтжака. Шиншилле он явно нравился: как только она замечала мунтжака, то начинала копошиться, спускалась с головы Юань Юэ на плечо, затем на руку, а потом прыгала на стол и, весело размахивая лапками, прыгивала на пол, чтобы в конечном итоге оказаться на голове мунтжака.

Особенно ей нравились уши мунтжака, которые она старательно хватала своими маленькими лапками. Мунтжак не проявлял особой реакции, и оба зверька часто проводили целые послеобеденные часы, мирно дремля на полках архива.

Юань Юэ как-то спросил Чжан Сяо, что за волк у Гао Цюна, но тот не знал. Юань Юэ, движимый любопытством, изучил множество материалов, но в итоге отказался сообщить Чжан Сяо ответ.

— Как продвигается твое любовное письмо? — спросил Юань Юэ.

Чжан Сяо почесал голову:

— Никак. Не знаю, как писать.

О событиях с Гао Цюном он рассказал только Юань Юэ. Узнав, что Гао Цюн потребовал от Чжан Сяо написать любовное письмо, Юань Юэ чуть не испортил одну из своих восстановленных статуй от смеха.

Чжан Сяо позже спросил Гао Цюна, почему тот так настаивает на письме.

Гао Цюн ответил, что никогда не получал любовных писем, и Чжан Сяо поинтересовался, были ли у него поклонники. Гао Цюн закатил глаза, избегая ответа, и, пытаясь стянуть с Чжан Сяо штаны, повторял:

— В любом случае, я никогда не получал любовных писем.

— Получилось? — сразу заинтересовался Юань Юэ.

— Нет, — снова почесал голову Чжан Сяо. — Мне кажется, это несерьезно. Он не выглядит искренним.

— А ты слишком серьезный, — сказал Юань Юэ. — Зачем так много думать? Просто начните встречаться. Если получится — продолжайте, если нет — расстаньтесь. Жизнь коротка, нужно

наслаждаться моментом. Смотри, Ассоциация «Тревожный звонок» снова активизировалась, и вдруг произойдет что-то серьезное, и неизвестно, удастся ли выжить. Ты ведь был на лекции по психологическому здоровью, которую организовывали? Помнишь, что говорил преподаватель? Не позволяй эмоциям управлять тобой, сам управляй эмоциями...

Он продолжал болтать, и даже зверьки, спавшие рядом, проснулись от его разговора. Чжан Сяо выслушал только половину, а затем вдруг спросил:

— У тебя есть ингибиторы?

— ...Как вы можете сдерживаться, это удивительно, — с чувством произнес Юань Юэ. — Юань Ивэй снова будет делать новую партию. Уже все закончились?

— Ситуация критическая, — сказал Чжан Сяо. — У меня осталось три, у него — одна.

Как будто почувствовав, что о нем говорят, Юань Ивэй чихнул, пробормотал что-то невнятное во сне и снова погрузился в глубокий сон.

В этот момент двери лифта в Офисе кризисного управления открылись, и Чжоу Ша вышла, слегка нахмурившись.

В коридоре ползало несколько пауков, а на потолочных светильниках и фресках висели густые паутины. Пауки были небольшими, а паутины тонкими, что говорило о скудном питании.

— Старший Юань снова забыл надеть подавляющий обруч, — тихо сказал сотрудник Офиса кризисного управления, проходивший мимо. — Люди из Комитета по управлению культурными реликвиями такие небрежные.

Чжоу Ша, петляя по коридорам, нашла Юань Ивэя в импровизированной комнате отдыха, где он крепко спал, накрывшись курткой.

Офис кризисного управления привлек Юань Ивэя, и он сразу же оказался полезен: количество опытных проводников было недостаточным, а для разведывательных работ требовалось множество часовых. В какой-то момент он работал одновременно с шестью часовыми, что сильно истощило его физические и ментальные силы.

Когда Чжоу Ша приблизилась, Юань Ивэй сразу же открыл глаза. Осознав, что рядом находится человек, которому он доверяет больше всего, он, все еще в полусне, потянулся за ее рукой:

— Шаша...

Чжоу Ша без лишних слов достала из его куртки подавляющий обруч и сразу же надела его на него.

Пауки, бегавшие по полу, мгновенно исчезли, но паутины остались, свисая кучками в углах потолка и покачиваясь от теплого воздуха, поступающего из вентиляции.

Юань Ивэй пришел в себя:

— Я снова забыл его надеть?

— А когда ты вообще помнил без моего напоминания? — Чжоу Ша подняла его. — Иди умойся. Я дома приготовила суп, поедим, выпьешь немного.

— Мне еще нужно дежурить на проспекте Чанъань, я смогу уйти только в три часа дня, — жалобно сказал Юань Ивэй, упираясь головой в плечо Чжоу Ша и потираясь о нее. — Я так по тебе скучал. Мы ведь два дня не виделись?

— Полтора дня, — поправила его Чжоу Ша. — Я встретила Фу Цанхай по пути сюда.

Юань Ивэй продолжал тереться, обняв ее за талию:

— Он снова предлагал тебе вернуться домой?

— Он сказал, что видел мою маму в родной деревне на праздниках. Она скучает по мне и хочет, чтобы я вернулась домой на Новый год, — сказала Чжоу Ша. — Фу Цанхай рассказал ей, что мы подали заявление на партнерство, и она была очень недовольна.

— Что именно твоей маме во мне не нравится? — спросил Юань Ивэй. — Разве те парни, которых она тебе находила, были красивее или лучше меня?

— Ты проводник, поэтому она не любит тебя, — ответила Чжоу Ша. — Другими словами, это твоя вина, и как бы ты ни старался, она никогда не примет, что я живу с часовым или проводником. История с моим отцом ее напугала, и она хочет, чтобы я просто вернулась домой, ничего не делала и позволила ей обо мне заботиться.

Юань Ивэй не нашелся, что ответить, и лишь поцеловал Чжоу Ша в шею. Это была проблема, которую они пока не могли решить.

— Тогда мы все еще поженимся? — спросил он.

— Конечно. Если ты только посмеешь сказать, что не хочешь, я сделаю так, что ты никогда не будешь жить спокойно, и каждый вечер буду выпускать змей, чтобы они тебя кусали, — оттолкнула его Чжоу Ша. — Хватит тереться. Я надела новую одежду и накрасилась перед тем, как прийти, а ты все испортил.

Юань Ивэй знал, что она всегда тщательно готовится к встречам в Офисе кризисного управления, потому что здесь была Цинь Шуаншуан.

Цинь Шуаншуан и Юань Ивэй были однокурсниками, но они не окончили Колледж передового управления «Новая надежда».

Помимо этого колледжа, в стране существовало еще одно учреждение, специализирующееся на подготовке боеспособных часовых и проводников: Национальное бюро планирования новых талантов. Главное отличие от «Новой надежды» заключалось в том, что Бюро было подчинено центральному правительству и не уделяло внимания культурному образованию, делая акцент на усилении личных способностей часовых и проводников. Обучение здесь было строго военизированным. Цинь Шуаншуан и Юань Ивэй были приняты в Бюро сразу после окончания школы, где начали обучение и подготовку. Юань Юэ и Цинь Еши также были выпускниками Бюро, но Цинь Еши поступил позже Юань Юэ, поэтому не знал, что тот был его старшим товарищем.

Те, кто прошел девятилетнее обязательное образование, окончил школу и успешно сдал гаокао, попадали либо в «Новую надежду», либо в Бюро. Бюро принимало больше студентов, чем «Новая надежда», и имело специальные зоны для обучения полужомбированных людей и подземных жителей, расположенные глубоко под землей. Поэтому три группы особых людей редко пересекались друг с другом.

Такие, как Гао Цюн, не получившие формального высшего образования, были крайне редки.

Юань Ивэй и Цинь Шуаншуан учились в одном классе и на одном курсе. Он знал, что она симпатизирует ему, но еще на втором курсе, во время Национальных соревнований особых людей, Юань Ивэй влюбился в Чжоу Ша, которую увидел на 200-метровой дистанции.

Это не имело отношения к тому, кто появился раньше или позже, и не зависело от времени, проведенного вместе. Все сводилось к чувствам.

Цинь Шуаншуан тщательно скрывала свои чувства. Оба знали, что другой догадывается, но оба сохраняли эту деликатную дистанцию, чтобы не задеть чужое самолюбие.

Даже если бы Цинь Еши, известный своей болтливостью, проговорился об этом, Юань Ивэй не стал бы менять свое отношение к Цинь Шуаншуан.

<http://bllate.org/book/16847/1550445>